

Великий и ужасный

Культура. — 2002. — 10-16 янв. — с. 9

Свои юбилеи Юрий Григорович в разные годы отмечал по-разному: были и официальные чествования на правительственном уровне с международными делегациями, случались и почти "маргинальные" празднования, когда кучка фанатов пыталась завести шестиярусный зал Большого криками "Браво, Григорович!". Тем не менее даже сейчас, когда со дня его отставки с поста главного балетмейстера прошло уже семь лет, он так и не стал вчерашним днем русского балета — Григорович по-прежнему остается "великим и ужасным".

Его эпоха официально длилась чуть больше тридцати лет: с 1964 по 1995 год он был главным балетмейстером Большого театра. На самом деле она началась в 1957-м. Ситуация тогда очень напоминала современную: русский балет жил дивидендами со своего великого прошлого, изнашивая незаурядные достижения минувших веков. Первый же балет Григоровича — "Каменный цветок" — начал новую эру в балете. 30-летний хореограф, считавший себя учеником Федора Лопухова, отказался от подпорок драмтеатра и вернул в балет балет. Как и его сверстники—"шестидесятники", Григорович рассказывал о бескомпромиссных художниках, верных своему идеалу и жертвующих личным счастьем ради блага человечества.

Но оказалось, что жизнь сложнее идеальных схем. Григорович попытался рассказать об этом сначала в "Спартаке", где главный герой мучительно заставляет себя сохранить верность идеалам. Но тогда в исполнении Владимира Васильева и Михаила Лавровского, танцевавших пламенных борцов, тема была вытеснена на обочину спектакля. Когда Григорович в 1975 году поставил "Ивана Грозного" — о том, как незаметно транс-

Юрию Григоровичу — 75

формирует душу обыкновенная жизнь и ломает появившаяся власть, от хореографа отвернулись многие сверстники-интеллектуалы, провозгласив, что художник встал на службу власти.

Вернувшись в Большой театр прошлой весной, чтобы восстановить свое "Лебединое озеро", Григорович в соответствии с идеалами молодости заставил погибнуть Одетту, вновь провозгласив, что мечта не выносит столкновения с предательством, даже совершенным неволью. Однако жизнь вновь оказалась сложнее и интереснее запрограммированных идей. Судьба самого Григоровича, отказавшегося от своего идеала и все же сумевшего вернуться в искусство, опровергает его теоретические постулаты. Эпоха Григоровича в русском балете до сих пор продолжается, потому что именно его спектакли — жестко срежиссированные масштабные балеты-притчи, утверждающие танец как философское искусство, — до сих пор определяют сознание и русского артиста балета, и русского балетомана.

Мария ПЕТРОВА